

В. Возовиков

Поле Куликово

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
В11

В11 **В. Возовиков**
Поле Куликово / В. Возовиков – М.: Книга по Требованию, 2024. – 308 с.

ISBN 978-5-458-30911-0

Исторический роман Владимира Возовикова посвящен временам правления Московского и великого Владимирского князя Дмитрия Ивановича. Центральное место в книге занимает подробный рассказ о борьбе против золотоордынского ига и о победе русских войск над татарами на Куликовом поле в 1380 г.

ISBN 978-5-458-30911-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

москвитов встретила Бегича на Рязанской земле, где ее не ждали. Когда же атакующий вал ордынских тысяч натолкнулся на вал одновременной контратаки по всему фронту, это было так неожиданно и страшно, что многие воины поворотили коней. Авдул со своим десятком рубился насмерть. Его меч затупился, потом сломался, кто-то бросил ему оружие убитого воина, но вместе с другими его смела в реку обезумевшая толпа. Холодная кровавая вода, месиво тел, летящие отовсюду русские копыта и стрелы, смертная тяжесть железной одежды, чьи-то цепляющиеся руки... Степняки топили друг друга во вздувшейся реке. Какое счастье, что Мамай заставлял своих нукеров учиться плавать!.. Авдул знал, как освобождаться от цепких рук тонущих: он нырял, отталкивался от трупов, выныривал, и когда за него хватались, снова нырял, приближаясь к берегу... Темник Бегич был убит на берегу той незначительной речки, а десятник Авдул остался живым. Многие видели, как он рубился, рассказали Мамаю... Тот снова взял его в сменную гвардию, назначил начальником десятка своих личных нукеров, потом поставил во главе сотни. (* Повелитель сильных - Чингисхан.)

Добрый урок получили мурзы, но тем страшнее будет их месть за позор на берегах Вожи. Наконец-то сам Мамай двинулся на Русь со всей силой Золотой Орды. Скоро исчезнет упрямый славянский дух с этой земли, лишь гортанные голоса кочевников будут оглашать ее просторы. Поход, считай, начат, Мамай велел дозорным отрядам разорить пограничные села - пусть ужас, как волчья стая, бежит впереди непобедимых Мамаевых войск, леденя врага, сжимая в горошину его сердце, заволакивая очи ему смертной тоской. Так завещал Повелитель сильных. Начинается новый золотой век Золотой Орды; еще никогда с Батыевых времен не собирала она силы, равной той, что стоит теперь за рекой Воронежем. Шкурой убитого зверя ляжет Русь под копыта степных коней, стремительные орды снова хлынут за Одру, Варту и Дунай по пути, проложенному когда-то воинами Батыя и Субедэ, и там, на европейских полях, кичливые короли, герцоги и графы станут пасти тучные ордынские табуны и стада. В конце концов в мире должен наступить единый порядок, а лучший порядок завещан Повелителем сильных. Это справедливо, чтобы сильнейший народ был властелином, другие - его рабами. Так недавно сказал Мамай. А Мамай зря не говорит. Если уж он снес головы строптивым ханам, толкавшим Орду к кровавым междоусобицам, то правителям других народов и подавно не сносить голов. Зря, пожалуй, повелитель пригласил в союзники литовского князя Ягайлу и рязанского князя Ольгу - оба они славянские волки, хотя и ненавидят московского князя Дмитрия. Впрочем, повелителю лучше знать, что он делает. Мамай не зря зовут лисицей с лапами барса и пастью волка. Исчезнет Москва, тогда с ее соседями иной пойдет разговор.

В лучах Мамаевой славы взойдет и слава Авдула. Самые сокровенные думы поверяет ему Мамай, с началом большой войны обещает поставить во главе тысячи отборных воинов передового тумена. Авдул сумеет прославить свою тысячу, Авдул получит под начало большой тумен, Авдул станет таким же блестящим полководцем, какими были Джебэ и Тулуй. Имя его прогремит по всем землям, и тогда он положит свой меч к ногам Мамаю, упадет перед ним лицом в пыль: "Великий! Отруби мне голову или дай единственную награду!"

Могучий аллах, только ты знаешь мечту сотника Авдула. Что из того, что он пока мелкий мурза, безродный наян* в тысяче сменной гвардии! Ведь именно его, а не иного, Мамай лично послал с небольшим отрядом высмотреть, что делается на границе Руси, вблизи Орды, и заодно - пустить впереди татарских войск леденящий ужас. Никому не верит Мамай так, как ему, сотнику своей гвардии. Разве в жилах самого Мамаю течет хоть капля Чингизовой крови? Нет ее там, и повелитель, сам бывший когда-то сотником, больше всего боится и ненавидит "принцев крови", Чингизовых потомков, выродившихся в кичливых, жадных и бездарных улусников. Не им же отдаст он свою жемчужину, единственную дочь, миндалеглазую Наилу! Так почему Авдулу не мечтать о том часе, когда полководческая слава позволит ему просить Мамаю о бесценной награде? Авдул или получит Наилу, или умрет. Путь к той награде начинается здесь, на пограничье Руси, и Авдул будет тверд. (* Мурза - князь; наян (нойон) - начальник.)

...Дозорный внезапно остановился, поднял руку, покачал плетью. Авдул слегка наклонил пику, уколол шпорами жеребца, поскакал вперед. Отряд не отставал.

Заросли кончались, тропа бежала через поле, у дальнего конца его в полуденных лучах сверкало длинное озеро, оправленное в темную зелень дубовой рощи, от чего вода в нем напоминала темный лак, каким воины покрывают свои луки. Деревья полукружьем обступали озеро, и к самой роще жалась деревня из трех дворов. Приземистые слепые домишки под дерновыми двускатными крышами съжились, словно хотели спрятать лысые макушки за дубовым частоколом в человеческий рост; вплотную к жилью примыкали низкие бревенчатые дворы для скота, крытые прошлогодней белесой соломой. Зеленое травянистое поле по эту сторону озера пересекала полоса созревшей ржи, наполовину сжатая. Четыре женщины в долгополых белых рубашках, не разгибаясь, работали серпами, быстро и ловко вязали снопы, составляли их в небольшие суслоны. У края жнивы, на маленьком гумне, двое мужиков молотили хлеб, оба с непокрытыми головами, в распушенных белых рубахах и коротких портках. Весело вскидываясь, поблескивали на солнце молотильные цепи, хлестко били по выгоревшим тугим снопам. "А-хх!" - мощно и резко стегал чернобородый плечистый мужичина. "Ах-гу!" - с протягом, будто поддразнивая, отзывался своим длинным цепом белобородый мужичок. Ветер трепал волосы молотильщиков, подхватывал пыльцу и легкие остья, летящие с колосьев, крутил и уносил в поле, а цепи били и били, не устая, словно мужики озабочены только тем, чтобы ветру было чем играть. Иному их труд, вероятно, показался бы красивым, но только не вечному воину-степняку Авдулу. Враждебностью веяло на него от всякой работы бородатых смердов, копающихся в земле, питающихся тем, что на ней вырастет. Он считал их низшей расой, червями, но ведь и черви за века способны источить гору. Почему они не бросят свои гнилые избы, свои деревянные сохи, свои узенькие поля, требующие каторжного труда, и не уйдут в степь, чтобы слиться с могучими кочевыми народами?.. Однако Повелитель сильных остерегал от бездумного смешения священной крови ордынцев с кровью других рас - не всем быть хозяевами земли, кто-то должен рожать рабов. В этом великая мудрость завоевателей...

Авдул наклонил копьё с клочком синей материи, требуя приготовиться к нападению. Он не подумал, что за деревня перед ним: "ничейная", каких немало на краю Дикого Поля, или она принадлежит союзнику Мамайя рязанскому князю Ольгу, - все, что оказывается в полосе движения Орды, принадлежит ее воинам и правителю.

Воины следили за начальником, опустив копьё и подняв плети. Он сам был степняком и чувствовал их неизменное удивление перед всякой оседлой жизнью. Вот стоят дома, растет хлеб, ходят люди, коровы, лошади... Как же этого не сломать, не порушить, не побить, не похватать себе, не увезти в свою юрту, если это так доступно?.. В кочевой курень без боя не проникнуть никому чужому, а тут само добро в руки просится... Он умышленно сдерживал воинов, подогревая нетерпение дорваться до ароматной горки ржи, которая наполнит турсуки и послужит добрым кормом для лошадей в долгом походе, до горячего хлеба в деревенских печах, перебродившего меда и хмельной браги в прохладных погребах, до пышногрудых пленниц. Наверняка найдутся в деревне жеребята и молодые телки, тогда отдохнут челюсти всадников от жесткой кислой круты и вяленой конины, которыми питаются они, находясь в дозорном отряде. Авдул наконец трижды качнул копьём, указывая на жниц в поле, на гумно и на деревню. Отряд двинулся, разделившись на группы: трое повернули коней прямо на избы, трое устремились к женщинам, четверо кинулись на молотильщиков... Жеребец от удара плети одним махом вынес сотника на поле из зарослей, степняки дико завизжали, и Авдул увидел - словно крупные бабочки порхнули от груды намолоченного зерна: это полуголые дети спешили спрятаться в стоящей поодаль соломенной риге. Лишь загорелый карапуз остался на гумне, как паучок, перебирая ручками и ножками, полез на ворох. Чернобородый мужик бросил цеп, схватил ребенка, завертелся, не зная, куда бежать, но белобородый, размахивая цепом, что-то закричал, и чернобородый бросил малыша на кучу ржи, кинулся назад, к недомолоченному снопу. Дозорный воин в последний момент обогнал сотника, черной молнией мелькнуло в воздухе его копьё, но рус

пал на четвереньки, и копьё до середины вошло в ржаную горку, на которую, то и дело скатываясь, пытался вползти мальчишка. Дозорный проскочил, второй воин вскинул над чернобородым сверкающий полумесяц. Авдул обернулся к старику; тот, крутя цепом, отступал к риге, один из всадников неосторожно приблизился, и щит с грохотом вылетел из рук от удара, воин едва удержался в седле. Авдул усмехнулся: впредь будешь умнее, глиняный болван! Он натянул тетиву, стрела ударила в самый кадык старика, жилистое тело его обмякло, цеп выпал из рук, и он свалился под копыта, хрипя, истекая черной старческой кровью. Авдул оборотился - глянуть на зарубленного руса - и оторопел: лошадь, роняя кровавую пену с раздробленного храпа, оседала на задние ноги, опрокидывалась вместе со всадником, вторая рвалась с привязи, заваливая раненую на спину, а чернобородый, живой и невредимый, крутя над головой молотилом, как разъяренный медведь, поднимался на ноги. Заводная лошадь наконец оборвала повод, и воин успел соскочить с убитой, вскинул меч, но тяжкий цеп, сверкнув полукружьем, опустился на его шлем, и шлем вошел в плечи вместе с лицом, отвислые усы подскочили, распрямились, оказались на месте бровей, из-под них брызнула бледно-кровавая мозговая каша... Коротким ударом копыта Авдул выбил стрелу из рук ближнего воина, сорвал с пояса аркан. Смерть от стрелы была бы теперь для чернобородого непозволительной милостью. Аркан лег точно, мужик рванулся, как бык, пытаясь сбросить волосяную веревку, но Авдул хлестнул коня, и пленник рухнул, поволокся в пыли по колючему жнивью. Авдул заворотил коня, подтащил мужика к вороху ржи, железным крючком копыта зацепил рубашку полуживого от испуга мальчишки, подволок ближе, поднял на седло.

- Смотри ты, русская собака! - крикнул чернобородому, который со стоном ворочался на земле, глотая пыль и ржаные остья. - Смотри - так будет со всем твоим проклятым родом!

Он опрокинул мальчишку спиной на луку седла, уперев сильные руки в детскую грудь и пах, начал переламывать. Мальчишка страшно закричал и смолк - в мгновенной тишине было слышно, как хрупнул позвоночник. Чернобородый с нечеловеческим ревом привстал и свалился под ударом железной булавы, Авдул отбросил онемевшее тело ребенка, оно ударилось о землю и подскочило, словно большой мяч, сваленный из коровьей шерсти. Сотник начал следить, как двое всадников вязали заарканенных женщин, а третий гонялся по полю за простоволосой молоденькой девушкой, быстро ее настигая. Третья группа всадников по-прежнему рысила к деревне.

- Ма-а-амынька!..

Из соломенной риги выскочила девочка лет десяти, крича, бросилась в поле, алая ленточка трепетала в ее кудельных волосах. Дозорный воин, расседывавший убитую лошадь, оставил свое занятие, поднял черный лук, и Авдул краем глаза проследил за последним бегом маленькой двуногой дичи - ордынские воины били стрелами на лету диких уток и стрепетов.

- Ма-а-амы...

Свистнула черная стрела, но мгновением раньше девчонка споткнулась на меже, и стрела только сбила пух с кустика забурелого осота. Сотник вздыбил жеребца, круто развернул в сторону опозорившегося стрелка, достал его полуголую спину тяжелой плетью. Багровый рубец вспух между лопатками, воин чуть сгорбился, вырвал вторую стрелу, торопясь загладить промах. Какая все же удобная цель - белая холщовая рубашонка и кудельная головка с алой лентой, мелькающие над ровным жнивьем, - не то что скачущий дикой степью сайгак или пролетающий гусь.

Подобие улыбки прошло по лицу стрелка, когда белый комок свернулся на краю сжатого поля, в примятой траве, - воин отомстил за кровавый рубец на спине.

- Мамынька-аа!..

Вторая девчонка, поменьше первой, выбежала из риги, куда направился было один из всадников, только помчалась она в другую сторону, к лесу. Авдул усмехнулся:

- Муса, у тебя сегодня хорошая охота - матерый волк и две маленькие урусутские волчицы. Да не промахнись еще раз - одним ударом плети не отделаешься.

Муса осклабился, поднял лук и выронил его, резко запрокинув голову, - красная оперенная стрела, пробив стальную пластинку и крепкую буйволиную кожу шлема, торчала в его виске, отточенное жало вышло через глаз, и глаз изумленно вылез из орбиты. До того, как Муса рухнул на солому, Авдул оборотился вместе с конем, и только быстрота спасла его: вторая красная стрела хищно цвиркнула по нагруднику из арабской стали и застряла в чешуе защитной рубахи. От удара сотника качнуло в седле. Проклятые русы научились владеть луками не хуже самих монголов! Или это какой-нибудь разбойный отряд одного из степняцких племен?..

Двое всадников крутились у края терновых зарослей, там, откуда выехал отряд Авдула. Вероятно, за ними вот-вот появятся другие. Нет, это не степняки: остроконечные удлинённые шлемы, кольчатые рубашки, красные округлые щиты выдавали русских. Авдул заслонился щитом, мгновенно окинул взором поле, словно зверь, обложенный охотниками. Воины, что ловили женщин, во весь опор мчались к своему начальнику, другие достигли деревни, они пока не заметили опасность. Авдул, заставляя коня танцевать, выхватил из колчана голубую сигнальную стрелу с особым, "поющим", устройством и круто послал в небо; вибрирующий свист полетел к деревне, и всадники тотчас осадили коней, помчались назад полным галопом.

Русских стало пятеро, когда трое ордынцев присоединились к группе Авдула. Пятеро против пяти. Русские видели, что к врагам спешит помощь, и все-таки развернулись в цепь, опустили копья, забрала и стрелки шлемов, крупной рысью двинулись вперед. Может быть, где-то у них таилась засада, но вряд ли их вместе больше десятка. Авдул понимал: перед ним такая же разведка, какую ведет он сам.

Авдул хорошо усвоил тактику легкой конницы, испытанную веками. Сейчас бы удариться в бег, показать спину врагу - пусть русы кинутся преследовать, распялятся от преждевременного торжества, обнаружат свою засаду - ведь и она не утерпит, кинется за бегущим противником, - а когда растянутся в погоне, стремительно поворотить коней, ошарашить яростным встречным ударом, смять, перебить по одному, оставив пару подходящих "языков". Но темная ненависть захлестывала сотника, едва вспоминались незащищенные спины ордынцев, бегущих по холмам у Вожи, и русские копья, вонзающиеся в эти спины. Нет, он своей спины врагу не покажет.

По знаку его руки воины выпустили стрелы, Авдул наклонил копье, вонзая шпоры в бока жеребца.

- Хур-ра-гх! Р-ра-а-а...

Древний боевой клич побеждающих пронесся над полем, и в сердце Авдула вскипела боевая ярость всех его грозных предков, топтавших своими конями чужие страны - от берегов Великого океана в краю утренней зари до лазурных морей в краю заката. Он видел, как один из русских воинов, пораженный стрелой в лицо, раскинув руки, сползал с седла, и смерть врага наполнила его торжеством, предвкушением победы, которая начинается здесь, на маленьком поле, в малом столкновении сторожевых отрядов, и будет продолжаться, пока ордынские кони топчут землю... Он сразу наметил себе противника - плечистого русского боярина в светлом посеребренном шлеме, в длинной кольчуге со сверкающим зеркалом на груди, украшенным узорчатой насечкой в виде креста. Зорким взглядом хищника выбрал точку между краем красного щита и бедром боярина, предвкушая упругий удар и податливый ход копья сквозь живое тело, боль и ужас в глазах врага, когда он, опрокидываясь, вдруг понимает, что уже убит. Авдул знал толк в поединках. На состязаниях конных батыров редкие смельчаки решались становиться против него, а там ведь бились тупыми копьями...

Оставалось каких-нибудь три лошадиных корпуса до врага, когда у Авдула мелькнула мысль, что боярина убивать нельзя, его надо взять живым - ведь он, несомненно, командует разведкой русов, - а именно такого "языка" ждет повелитель. Копье сотника вскинулось на высоту вражеского плеча, прикрытого щитом, - от прямого удара пики не спасают щиты и стальные наплечники, - в тот же миг Авдул перехватил темный взгляд русского из прорези

забрала, и его словно ударили в лицо. Боярин сделал то же, что и Авдул, - резко упал вбок, за конскую гриву, острие пики пробило воздух, русский вырос рядом на стременах, громадный, сверкающий броней, рука его в стальной перчатке молниеносно взметнулась, Авдул бросил ей навстречу наклоненный щит, оглушающим ударом щит сорвало с ременной наручи, русское копье прошло сквозь него по согнутому локтю сотника, он едва отразил, отбросил его вместе со щитом и вдруг в своей железной одежде почувствовал себя голым. Красный щит и горящие ненавистью глаза снова кинулись к нему. Авдул бросил жеребца в сторону, выпустил из рук длинную пику, бесполезную в ближнем бою, вырвал из ножен кривой арабский меч, способный рассечь лошадь, отбил вражескую саблю, сам яростно обрушился на противника. Сбоку, прикрываясь разрубленным щитом, отбивался от двух русских всадников его телохранитель, другой воин лежал ничком в траве, пригвожденный к щиту сулицей; жалобно кричала раненая лошадь, какие-то всадники рубились в отдалении, и к ним, размахивая длинными топорами, бешено скакали на косматых лошадях двое мужиков в белых рубахах.

Авдул вертел конем, нападал на врага со всех сторон, но тот, едва поворачивая рослого рыжего жеребца, коротко и точно отмахивал удары, бледные искры сыпались от клинков, немигающие глаза из стальной прорези в упор жгли сотника. Уже ничего не видя, кроме этих ненавистных глаз, Авдул завыл, как зверь, вздыбил степняка, направил его на рыжего скакуна, поднялся на стременах во весь рост, готовый развалить всадника пополам своим неотразимым ударом, и тут сухая гремучая молния поразила его в стальной шлем, где-то в черном тумане загрели его доспехи от удара о землю, мышастый жеребец взбрыкнул задом, уносясь в поле, плоская равнина косо накренилась, и это помогло ему вскочить... Верный меч остался в руке, ветер с родной далекой степи освежил бритую потную голову... "Тот, кто упадет с лошади, каким образом будет иметь возможность встать и сражаться?" - заговорил в нем суровый голос Повелителя сильных. - А если и встанет, то пеший каким образом пойдет под конного и выйдет победителем?" Ненавидя себя за мгновенный страх, с налитыми кровью глазами Авдул пошел на безмолвно ждущего русского витязя. И видел в траве, за длинным хвостом рыжего скакуна, обезглавленное тело своего телохранителя, похожее на свернутый потник, окровавленный и грязный. Двое его всадников, пригнувшись к лошадиным гривам, уносились через поле, преследуемые тройкой русских, других он не видел, но за спиной не слышалось звона мечей, значит, порублены или тоже бежали.

- Бросай меч, наян! - по-татарски раздельно сказал боярин хрипловатым молодым голосом. - Бросай, если жить хочешь.

Лишь теперь Авдул заметил по бокам двух конных русов, нацеливших в него свои копья. Один с рассеченным лицом сплевывал кровь на длинную рыжую бороду, злобно вращал глазами, едва сдерживаясь, чтобы не проткнуть спешенного врага,

- Бросай меч! - повторил молодой голос. - Мы не станем тебя казнить. Великий хан Золотой Орды не объявлял нам войны, и великий князь Московский не считает татар врагами. Ты - разбойник, и мы выдадим тебя первому татарскому начальнику. Пусть он осудит тебя по вашему обычаю. Бросай меч!

- Ты... ты... собака!.. Повелитель идет по моим следам со всей силой, он велит сдирать с вас шкуры на потники...

С неожиданной быстротой Авдул прыгнул вперед, намереваясь достать боярина своим страшным клинком. Удар тупым концом копья в затылок оборвал его прыжок...

Между ворохом зерна и разваленным суслоном сидел чернобородый мужик, держась руками за окровавленную голову. Молодая баба в растерзанной рубашке, простоволосая и растрепанная, завывая, причитала над мертвым ребенком:

- Ты куда ушел-сокрылся, светик мой аленький? Закрылись глазыньки твои ясные, не видать им красна солнышка, ни родной матушки, ни батюшки, не расти тебе ясным соколом, не миловать красных девушек, не беречь, не холить в старости батюшку с матушкой. Уж мне плакать - слез не выплакать, жить-страдать - беды не выстрадать, злое горе пришло неизбывное, горе лютое материнское: злы татаровья убили мово Иванушку, погубили мою

кровинушку, мою малую кровинушку безвинную, мою деточку несмышленную. Уж и чем я прогневала господу, чем обидела я богородицу? Уж не я ли ночами простаивала на коленях пред светлым образом пречистым? Уж не я ли молила заступницу?..

Мужик, покачивая стиснутой в ладонях головой, со стоном прохрипел:

- Перестань, Марфа. Не рви душу, не гневи господу. Татарин убил дитя - с него и спрос. Иванку не оживишь, ты поди-ко сыщи Аленку, Заблукает в лесу, сгинет - за татарами волки идут.

Баба положила на солому мертвого ребенка, послушно встала, тихо воя, пошла к лесу, где скрылась вторая девочка, спасенная русской стрелой, что на миг опередила черную стрелу Мусы. Теперь упокоенный Муса лежал, опрокинувшись навзничь, с залитым кровью лицом, стрела косо торчала из его глазницы, - казалось, он и после смерти целится кровавой стрелой в черных коршунов, плавающих кругами над полем. Поодаль ничком в жнивье будто уснул после тяжелой работы беловолосый старик. А между ними с вбитой в плечи головой плавал в кровавой густеющей жиже, облепленной мухами, степняк, попавший под молотило чернобородого. Все трое умерли легко. Не то досталось лошади, оглушенной цепом. Она лежала на боку с залитой кровью мордой и шеей, синий закушенный язык вывалился в пыли, лошадь часто, с бульканьем дышала, розовая пена пузырилась над перебитым храпом, дрожь пробегала по тонкой натянувшейся коже, и в мокром неподвижном глазу текла синева неба, похожая на мучительно желанную влагу степного озера.

К риге с конем в поводу приближался витязь в посеребренном шлеме, за ним двое всадников тащили на аркане шатающегося бритоголового сотника, от леса скакали трое воинов, за ними молоденький парень в белой рубахе гнал табунок коней; со стороны деревни долетало плачущее бабье разноголосье. Чернобородый не видел всего, что произошло на поле, - ни короткой беспощадной рубки двух маленьких отрядов, ни того, как трое русских воинов из засады перехватили мчавшихся в сечу врагов и, срубив одного, обратили других в бегство, ни того, как женщины, освобожденные подоспевшими мужиками, кинулись искать ребятишек и как уносили в деревню, к знахарке, девочку, раненную черной стрелой, - но он догадывался, что оплакивать придется не только его малолетнего сына и старика. Нежданно-негаданно нагрянуло лихо ордынское. Нет милого сынка - отцовской надежды, да и жива ли дочка - тоже неведомо. Сколько лет береглись на самом краю Дикого Поля, и вот не убереглись. Может, оттого случилось, что прослышали о замирении князя рязанского с ордынским ханом, надежде отворили души, уставшие от вечного ожидания беды. Ведь что ни год - то и новое разорение земле Рязанской. Три лета назад по ней погулял хан Арапша. А через год, в отместку за побитого Бегича, Мамай совершенно опустошил ее, множество людей перебив и не меньше угнав в полон. Здешним-то повезло тогда - севернее прошло ордынское войско, - хотя не одну неделю пришлось по урманам отсиживаться. И вот - слухи о крепком замирении с Мамаем. Жить-то и работать хочется без оглядок на страшную степь, не держа под рукой узлы со скудными пожитками, не хватаясь поминутно за топор и рогатину. Давно бы посадил своих на телегу да подался на север, в леса глухие - за реку Сухону, за Белоозеро, куда не достают ордынские набеги. Ловил бы рыбу, промышлял зверя. Земля русская велика, а людей мало, всюду тебя с радостью примут, потому как единый лишь труд человеческий приносит богатство и князю, и боярину, и монастырю, и общине крестьянской. Да ведь не отпустит князь. Хотя и не холопы ему, а все ж, почитай, в закупе. Земли тут его, и лошадей он дал, и упряжь, и пожитки кое-какие велел здешнему тиуну выделить для поселенцев новой деревни, - только живите, мол, оперяйтесь, а там за все разочтетесь. Надо рассчитывать, помаленьку уж начали. Да от князя-то уйти еще можно, вот как уйти от кормилицы-земли? Душа иссохнет, руки обессилеют, коли не выйдешь по весне в поле за сохой, не увидишь, как отваливается маслянистый пласт чернозема, не разотрешь в ладони влажного комочка, не вдохнешь его хмельного медового запаха, а по осени не окунешь руки, гудящие от трудов, в золотые закрома жита. Какая там земля на севере - на ней, говорят, и хлеб-то не родится! Природному оратаю не жить без хлебного

поля, даже злое лихо ордынское не осилит его земляной привязанности. И не пересадить степного дуба в сырые северные леса - зачахнет.

А какое житье райское можно б тут наладить, кабы не Орда разбойная! Земли не надо вырывать у лесов огнем и корчевкой - вольная, тучная целина кругом, бери сколько осилишь. Бросишь в здешний чернозем малое зернышко - вырастет каравай. И далеко бояре, жадные тиуны их - не то что вблизи городов стольных, где светские господа и монастыри норовят на каждого смерда крепкие путы накинуть.

Князь рязанский берег их своими сторожами, воины у него храбрые, но мало их. Потому-то от греха мужики до нынешнего покоса свою, казацкую, сторожу, набранную по жребию в пограничных селах, держали на реке Воронеже. Но и вправду с минувшей зимы что-то переменялось в степи - лихие люди ордынские не показывались, проходили купцы из Сарая, торг вели по справедливости, хорошие слова говорили о великом князе Ольге - быть, мол, ему первым на Руси князем и в вечной чести у царя татарского. Хоть и знали о хитрости ордынской, все ж к покосу сняли сторожу, оставив лишь малый дозор, потому как рук мужицких в деревнях - по паре на двор, да и то не на всякий. Тут урожай приспел богатый, так и не воротили казацкую сторожу на реку Воронеж. А беда - вот она...

Опираясь на гладкую ручку цепа, мужик поднялся навстречу подошедшему боярину попытался отвесить поклон.

- Сиди-ка ты, дядя, - мягко сказал воин. Его хмурый взгляд задержался на голом тельце мертвого ребенка, потом на старике, скользнул по убитым врагам. Сняв кольчатую рукавицу, отер потное лицо, бросил через плечо: - Додон, приколи лошадь, ей, бедной, за что маяться?

Один из воинов соскочил с седла, обнажив саблю, подошел к раненому животному, другой, с окровавленной повязкой на лице, остался в седле, внятяг держа аркан, захлестнувший пленного.

- Ты, што ли, употчевал вон энтото? - спросил хрипло, сплюнув кровь.

- Честь за честь, - мужик вперил ненавидящий взгляд в каменное лицо пленного. - Храбрый боярин, - он с усилием поклонился, - стану рабом твоим, только отдай мне на суд этого упыря мордатого. Он сыночка мово... спинкой об седло... Ведь и зверя лесного этак-то сказнить грех.

Мужик заплакал, опустив голову и не замечая торжества, вспыхнувшего в глазах врага. Насупленный витязь негромко ответил:

- Отдал бы его тебе, отец, на суд правый, да мне сдается, не простой он разбойник. И язык его нужен моему князю. Ты, отец, меняй-ка цеп на булаву аль на чекан, - видно, иная молотьба скоро приспеет. На той молотьбе ты со своим ударом вдесятеро должок с ордынского царя истребуешь.

Мужик покачал головой:

- Смерды мы - не вои. И князюшко наш не звал на ратное дело.

- Скоро позовет. Да на чью сторону?

Подскакали двое всадников в блестящих кольчугах с закинутыми на спины щитами, один крикнул:

- Василь Андреич! Двое татар убегли, где их уследишь в дубраве? А стрелу слопаешь. Пятерых коней мы завертали, я велел Шурке Беде с парнем на село их гнать, там, на поскотине, словят.

- Добро, - кивнул боярин. - Скачи-ка, Тимоша, в деревню, вели мужикам заложить мажару - побитых товарищей наших да деда с ребенком на погост свезти. А еще скажи, чтоб собирались там, добро и детишек грузили на телеги да уходили за нами. Чую - близко татарские разъезды, пустят деревню по ветру, никого не пощадят.

Молодой воин умчался, нахлестывая длинноногую рыжую кобылу, второй остался, спешил, стал помогать товарищу, снимавшему доспехи с убитых.

- Много ль народу в деревне? - спросил боярин.

- На три двора четверо человек было с парнем да дедом. Баб и девок пятеро, да мальцов с дюжину. А теперь трое человек нас.

- Боярина вашего величать как?

- Княжьи мы люди, казаками пришли на здешнюю землю. Я - с-под Киева, дед - он всю жизнь по земле бродил, детей растерял, одна внучка осталась. Туг вот осел, на вольных землях, век доживать... Другие - тож кто откуда. Взял нас Ольг-то под себя, тягло дал. А тиун наш в Холщове селе, верст за двадцать отсель*. (* Древняя верста - около двух километров.)

- Ты сядь, отец. Голову перевязал бы - напечет рану, беда.

- Благодарствую, боярин Василей Ондreich. Молиться за тя будем - оборонил ты нас от полной гибели.

- Молитесь за великого князя Димитрия Ивановича, за руки его длинные да крепкие, что ныне до Поля Дикого достают.

Мужик набычился.

- Неча нам хвалить князя московского. С татарами ратничает, наводит поганых на нашу землю, а как Мамай в прошлые годы зорил нас, дак не шибко-т он поспешал на выручку.

Синие глаза витязя метнули темный огонь.

- Говоришь, не шибко спешил? А вы с вашим государем шибко звали нас? И ныне зова пока не слышали. Или князь ваш думает дружбой с Мамаем уберечься? То-то, гляжу, она оборонила вас от напасти.

Мужик, понурясь, смолчал.

- Додон, смажь-ка рану княжьего человека монастырским бальзамом да перевяжи потуже. У него от татарской булавы щель в голове - того и гляди, остатний разум утечет.

Позванивая броней, боярин разнуздал жеребца, зачерпнул ржицы в посеребренный шлем, воткнул его в сноп перед конской мордой, подошел к пленнику, сорвал с него путы, в упор разглядывал угрюмое опущенное лицо, отличительный знак на железной рубахе возле плеча.

- Ишь ты, начальник сотни, большой наян, а с десятком в разъезд послан. Видно, на то есть причина. Ну-ка, ребята, сдерите с него сбрую железную, а то жарко, видать, мурзе.

Через минуту Авдул остался в шелковом синем архалуке с серебряными монетками вместо пуговиц. Рыжебородый покосился на серебро, потом на добротные, шитые из оленьей кожи сапоги сотника, но боярин предупреждающе сказал:

- Оставь его, Копыто, негоже мурзе сверкать голыми пятками да голым пузом.

- Попадись ты ему, Василей Ондreich, он тя пожалеет, он твою справу со шкурой сдерет, - процедил Копыто сквозь зубы.

- Не я ж ему попался, - усмехнулся боярин. По-ордынски спросил: Как звать тебя, наян? Из какой орды-племени пожаловал?

Сотник выпрямился, узкие глаза его блеснули усмешкой, заговорил по-русски:

- Не ломай языка, боярин. Воин Авдул знает речь врагов, чтобы знать их мысли. Послал бы тебя к Мамаю обо мне сведать, да высоко тебе до повелителя Золотой Орды. Спроси темника Араб-шаха, он когда-то взял меня в войско. Волей аллаха ты с ним скоро увидишься.

- Увижусь, коли пожалует.

- Там, - сотник ткнул в небо. - Араб-шах умер. Ты тоже скоро умрешь. Поищи его там, ты должен знать хана Араб-шаха, того, что употчевал ваших воевод на реке Пьяне красным вином.

Сотник ощерился, заметив, как помрачнел боярин. Да как же не помрачнеть русскому воину при имени реки Пьяны, где за год до Вожи полегла многочисленная рать союзных князей! Тогда Москва вступилась за Нижегородскую землю, которой угрожал пришедший из-за Волги сильный хан Арапша. Многие князья встали под знамя Димитрия Ивановича, привели свои полки. Но тут пришла весть, будто еще большая сила грозит Москве с юга. В прошлом не раз бывало, когда враги с разных сторон нападали на Русь. И решили князья на совете: Димитрию Ивановичу и Боброку-Волынскому с частью сил идти под Москву, остальным стеречь Арапшу на Волге. Ушли два славных князя-воина, а замены-то им и не

нашлось. Каждый воевода в свою дуду задудел, один другому не захотел подчиниться, и пустили в небрежение ратный порядок: ни разведки, ни охранения не высылали, шли налегке, доспехи везли на телегах, топоры и сулицы даже на древки не были насажены. Князья охотой тешились, пиры устраивали на вольной природе. Враг только того и ждал, у него глаза и уши на каждой версте. Ударили отряды Арапши на русское войско с разных сторон, погуляли мечи басурманские по беспечным славянским головушкам. Сердце кровью исходит - два брата Васькиных легли костями на берегах Пьяны. Да что его горе - целое княжество Нижегородское доныне в развалинах, и рать побитую не поднимешь, а как бы она теперь пригодилась Руси!

Разгневался Димитрий Иванович, узнав о несчастье. Давно началось это: разорят ордынцы рязанцев или нижегородцев, сожгут литовцы смоленские посады, потопчут немцы и шведы новгородские земли - у московитян и князя их руки к мечам тянутся. И хотя много еще на Руси недовольных крепнувшей властью Москвы над окрестными уделами, и ни великим князьям, ни подданным их не по нраву именовать себя "младшими" по отношению к московитянам, - в лихие времена люди все чаще оглядываются на Москву, ее растущую силу.

Выспросил Димитрий Иванович очевидцев кровавого пира на Пьяне, собрал в кремле служилых бояр и детей боярских* - вплоть до десятского начальника. Были там люди не только московского полка, но и много тех, кого пригнал в Москву ордынский смерч, бушевавший в восточных землях Руси. Вышел князь на крыльцо в сопровождении Бренка, Боброка, брата Владимира Серпуховского, оглядел собрание темными запавшими глазами, повел рукой вокруг: "Вот вам град мой стольный и все земли московские, что за ним лежат, а также уделы, Москве подвластные. Берите, делите, владейте, обороняйте от ворогов аль отдайте им, как Нижний отдали, я же более не государь вам. Скроюсь в деревне вотчинной на покое, не то в монастырь уйду - княжеские грехи перед землей русской, перед народом ее отмаливать". Поклонился оцепеневшей толпе и уж повернулся было, как разразилась буря: "Государь, отец родимый! Не оставляй!.." Сверкнул глазищами исподлобья, вцепился руками в широкий пояс, сказал глухо: "Государя кличете, да на что он вам? Кого поставил я большим воеводой над войском, что оставалось под Нижним? Помните?! А кого слушали те, кто прибег оттуда псом побитым? И те, которые без чести полегли там и войско с собой положили?.. Себя они слушали, свои желания, гордыню свою. Коли завтра новое дело заварится, снова то ж будет? Снова из-за дурости воевод реки русской кровью наполнятся? Нет, в таких делах я вам не помощник. Все вы храбры и умны - то мне ведомо, - так и догадайтесь сами, отчего татары колотят нас непрестанно". Не успел князь шагу ступить - выбежал на крыльцо поседелый в битвах, покрытый шрамами сотский Никита Чекан, пал на колени, поймал полу княжеской ферязи. "Государь, выслушай! Гнев твой великий справедлив, но разве мы, воины, дети твои, его заслужили? Сколько раз ходили с тобой в смертные битвы за честь Москвы, за обиды русской земли, а было ль так, чтобы кто-то не исполнил даже малой твоей воли? И много ль наших-то на Пьяне оставалось? Горстка малая. Кабы мы с тобой были там, разве допустили б этакий разброд и небрежение?! Много еще в удельниках своеволия - так ты души воров руками нашими! Суди, государь, приказывай, казни и милуй, а нас, детей своих, не бросай. Не бросай войска, града стольного, народа русского - иначе будешь ты хуже всех крамольников вместе. Не бросай нас в час тяжкий!" Димитрий было отшатнулся, потом шагнул вперед, наклонился, поцеловал старого воина. Тот прижал полу ферязи к лицу, сквозь слезы сказал: "Димитрий Иванович! Погляди на своих седых воевод. Десятилетним отроком в княжеское седло тебя посадили, берегли пуще глаза, не щадя животов, Русь под руку твою собирали. Вырос наш государь, и люб он Москве, народу ее. Теперь бы нам с тобой завершить дело великое, а ты... Беды еще будут и погорше этой, но ты будь тверд - перестойм!" Димитрий встретил блестящий взгляд Боброка, глубоко вздохнул. "Спасибо тебе, Никита Чекан. - Жестко усмехнулся: - С монастырем погодим - во гневе сорвалось. Вороги-то наши небось уж руки потирают. Пусть! А мы будем мечи вострить". Стоящая на коленях толпа радостно качнулась к Димитрию, из заднего ряда

пробирался кто-то из бояр, прибежавших с Пьяны. "Казни, государь, казни меня, пса окаянного, - не слушался воеводы, не уберег дружины, вели срубить голову мою воровскую!" Димитрий жестом заглушил крики. "Взыскивать нынче не стану. Виновные сами себя наказали, да так, что лютее казни не придумаешь. Крови русской и без того довольно пролито. Давайте о деле, бояре... Ведомо ли вам, что кроме Пьяны-реки есть еще речка Калка? Полтораста лет назад на той речке Калке били татары киевских князей - за то ж самое. За то ж самое били - вот что мне душу рвет! Неужто мы только и умеем помнить заслуги своих княжеских и боярских родов, а обид русской земли считать не умеем? Неужто от домашних распрей мы погрязли в мелкодушной гордыне до того, что не хватает нам разума понять, отчего полтораста лет безжалостный враг пьет нашу кровь?.. Ныне не взыскиваю - слово сказано. Но впредь, коли поставлю в походе даже простого десятского воеводой над князем удельным аль над боярином знатным - чтоб то законом было. Мой воевода моим именем приказывает. Меньший воевода большего слушает, и все слушают государя. Неслухам вот этой рукой головы рубить буду!.." И как во времена Святославовы, криками одобрения, звоном мечей и кинжалов воины утвердили государскую волю. Синеглазый Боброк не отрывал от Димитрия восторженного взгляда... "Еще спрошу вас вот о чем, князья и бояре. Для чего вам дадены уделы и вотчины, а также поместья в кормление? Для того ли, чтоб сладко ели и пили, наряжались в парчу и бархат, тискали сенных девок да охотами тешились? Коли так думать будем, не князьями да боярами станет величать нас народ русский, но сочтет нас паразитами, врагами хуже ордынцев. И прогонит он нас однажды пинком в зад, себе же найдет других государей..." Даже дух перехватило у слушателей. Во веки веков ни от одного князя подобного не слыхивали. На то он Димитрий Иванович, потомок Невского Александра - самого дерзкого князя на Руси. Кровь-то сказывается. И недаром простой люд московский за него горой - чувствует, кого почитает в душе государь. Кидай в толпу хоть серебро горстями, но если в душе презираешь мужика, он за то серебро тебя больше возненавидит. (* Дети боярские - мелкие служилые люди при великом Московском князе.)

"...А затем даны вам и земли, и люди, и власть над ними, чтоб неусыпно поддерживали вы государский порядок в нашем княжестве великом. Да трудились бы поболее черного раба над умножением силы и богатства родины. За тот труд и положены вам кафтаны парчовые, шубы соболями да еда сладкая. Но никак не иначе. Впредь, когда бы ни позвал вас на дело ратное, чтоб таких воинов мне приводили, каких нет ни в Орде, ни в Литве, ни у немцев и шведов, ни в иной земле. Все слышали волю мою?" Дружным эхом отозвалось: "Слышали, государь!" Ах, как сияли в тот миг синие глаза князя Боброка, такие же синие, как и у десятского Васьки Тупика.

Долго говорил с боярами Димитрий Иванович. Говорил не таясь, - собрались свои люди, проверенные, преданные. Не все одинаково почитали государя, не каждое слово его одинаково принимали к сердцу, но каждый сердцем болел за русское дело. Димитрий говорил, что время наступает жестокое и решительное. Вновь зашевелились притихшие было тучи кочевников-завоевателей. В восточных и полуденных странах свирепствует железный хромец Тамерлан. Страшные вести приносят оттуда купцы и бывалые люди: целые народы беспощадно избивает хромой монгольский владыка, не щадит ни царей, ни рабов, ни жен, ни мужей, ни малых, ни старых. Из человеческих черепов громоздит башни до неба, живьем закапывает города. Тень краснородого Чингисхана встала над востоком и югом. А из кипчакских степей поднимается Мамай - словно тень Чингизова внука Батые. Не нынешней, а древней, разорительной и позорной, дани требует от Руси - чтоб не только деньги, хлеб, меха и прочий товар ему давали, но и людей русских, детей и женщин - прежде всего. Да ведь и такое требование - лишь извечный ордынский предлог для нашествия. "Видел я Мамай в Орде, беседы с ним водил, - рассказывал Димитрий Иванович. - Страшный он человек, хитр и зол, аки змея болотная. - Князь перехватил напряженный взгляд Василия Тупика и вдруг обратился к нему: - Ну-ка, Васька, смог бы ты пробиться, скажем, в князья московские аль хоть тверские? Ну-ка?" Кругом засмеялись, Тупик растерялся: "Мыслимо ли,